

М. А. ЗАБОРОВ

**ПАПСТВО И ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ
В НАЧАЛЕ XIII в.**

*К вопросу о роли Иннокентия III в перемене направления
четвертого крестового похода*

Четвертый крестовый поход сыграл роковую роль в истории Византии. В результате этого наиболее „выдающегося“ из захватнических предприятий западноевропейских феодалов, именуемых крестовыми походами, значительная часть территории Византийской империи подпала под власть захватчиков. Варварское поведение рыцарей, распаленных видом богатств византийской столицы, обрекло огню и мечу произведения искусства, памятники архитектуры, библиотеки и другие культурные ценности Константинополя. После создания Латинской империи морское и торговое первенство на Леванте окончательно перешло к Венеции. Утверждение господства западноевропейских феодалов привело к дальнейшему порабощению народных масс в захваченных „латинянами“ областях Балканского полуострова и Малой Азии — факт, который новейшая „маршаллизованная“ западноевропейская историография упорно пытается скрыть, рисуя в идиллических тонах положение греческого крестьянства в Латинской империи¹ и приписывая „латинскому“ завоеванию благодетельное влияние на развитие греческих земель².

Инициатором и вдохновителем четвертого крестового похода был папа Иннокентий III. Выяснение его роли в событиях 1199—1204 гг. имеет существенное значение для понимания своеобразной истории этого хищнического предприятия, организованного западноевропейскими феодалами по почину главы католической церкви. В буржуазной историографии этот вопрос на протяжении многих десятилетий подвергался искажениям и заведомым фальсификациям. Подавляющее большинство сочинений историков Запада, начиная от сравнительно старых (П. Риан³, В. Норден⁴, А. Люшер⁵) и кончая новейшими работами

¹ J. Longnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée, Paris, 1949, p. 209 ss.

² Ibid., p. 187, 190 ss.

³ P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, Paris, 1875.

⁴ W. Norden. Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz, Berlin, 1898; его же. Das Papstum und Byzanz, Berlin, 1903.

⁵ A. Luchaire. Innocent III, vol. IV, Paris, 1907.

(Ш. Диль¹, Э. Фараль², Г. Кастелла³, Е. Джекоб⁴, Дж. Клэйтон⁵, Дж. Л. Ла Монт⁶, Ч. Э. Смит⁷), — проникнуты единым стремлением — обелить Иннокентия III, доказать „невиновность“ римского папы в отклонении крестоносцев от первоначальной цели и в захвате христианских городов — Задара (Зары), а затем Константинополя. Беря под защиту Иннокентия III, буржуазные историки Запада утверждают, что „уклонение“ крестоносцев с первоначально намеченного пути произошло независимо от воли папы и вопреки его желанию⁸. Новейшие буржуазные исследователи четвертого крестового похода прибегают к особенно грубым приемам извращения фактов: часто они вообще обходят вопросы о политике и дипломатии Иннокентия III в походе; они заявляют, что папа не играл в нем в какой-либо степени видной роли, что он упустил из своих рук руководство походом⁹, — одним словом, что Иннокентий III не причастен к обстоятельствам, которые привели крестоносцев под стены византийской столицы. Особенно показательными в смысле степени искажения роли Иннокентия III в событиях четвертого крестового похода являются научно-популярный труд Дж. Клэйтона „Папа Иннокентий III и его время“ и работа Ч. Э. Смита „Иннокентий III, защитник церкви“. В изображении обоих американских историков Иннокентий III преследует в крестовом походе цели исключительно духовного характера; он далек от политических расчетов. Стремясь выгородить Иннокентия III, Дж. Клэйтон и Ч. Э. Смит рисуют весь ход событий четвертого крестового похода как провал „истинных“ планов папы. Новейшие защитники римской церкви пытаются таким иезуитским приемом доказать несостоятельность каких бы то ни было подозрений в отношении „чистоты“ папских замыслов в крестовом походе.

В таком же апологетическом духе рассматривается вопрос о роли Иннокентия III в четвертом крестовом походе в „Истории пап“ упоминавшегося выше швейцарского историка Г. Кастелла и в названных уже статьях Ш. Диля в IX томе „Всеобщей истории“ и американского историка Дж. Л. Ла Монта¹⁰.

Почти полное единодушие буржуазных историков конца XIX и XX вв. в вопросе о „невиновности“ Иннокентия III в перемене направления четвертого крестового похода¹¹ является наглядным подтверждением

¹ Ch. Diehl. The Fourth Crusade and the Latin empire, in the „Cambridge Medieval history“, vol. IV, Cambridge, 1923, p. 415—431; его же. La quatrième croisade. „Histoire générale“, Histoire du moyen âge, t. IX, 1-ère partie, Paris, 1945, p. 123—138.

² E. Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité. „Revue historique“, vol. 177, Paris, 1936.

³ G. Castella. Histoire des papes, t. I, Zürich, 1943, p. 213—220, 247—249.

⁴ E. F. Jacob. Innocent III, in the „Cambridge Medieval history“, vol. VI, Cambridge, 1929, p. 1—43.

⁵ J. Clayton. Pope Innocent III and his times, Milwaukee, 1941.

⁶ J. L. La Monte, La papauté et les croisades, „Renaissance“, vol. II—III, New York, 1944—45.

⁷ Ch. E. Smith, Innocent III, Church Defender, Baton Rouge, Louisiana, 1951.

⁸ W. Norden. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz, S. 99; Das Papstum und Byzanz, S. 151; A. Luchaire. Innocent III, vol. IV, p. 75, 97, 116.

⁹ Ch. Diehl. The Fourth Crusade..., p. 418.

¹⁰ Ch. Diehl (La quatrième croisade, p. 138) утверждает, что в 1204 г. Иннокентий III якобы лишь „склонился, по своему обыкновению, перед совершившимся фактом“ захвата Константинополя, хотя до этого он будто бы все время выступал против похода на столицу Византии. Срв. J. L. La Monte, La papauté et les croisades, p. 164.

¹¹ Лишь очень немногие из буржуазных историков позволяли себе высказать более или менее робкое сомнение по поводу „невиновности“ Иннокентия III. Рус-

того, что идеологи буржуазии эпохи империализма всегда дорожили союзом с Ватиканом, как одной из наиболее реакционных сил, подживляющей капиталистический строй.

В настоящее время, когда „все силы мракобесия и реакции поставлены... на службу борьбы против марксизма“¹, когда папство, маскируясь лживыми проповедями о „миротворческой миссии“ католической церкви, провозглашает „крестовый поход“ против коммунизма, освящает и благословляет преступный заговор американо-английских империалистов против сил мира, демократии и социализма, союз реакционных буржуазных историков с Ватиканом особенно упрочился. Оправдание деятельности папства в средние века является одним из лейтмотивов современной медиевистики на Западе. Поэтому решительное и беспощадное разоблачение всех черных дел римской курии, борьба против всех попыток реабилитировать папство выступает в качестве важнейшей задачи марксистско-ленинской медиевистики.

В советской исторической науке сделаны уже первые шаги по разоблачению агрессивной политики папства в XIII в. в Восточной Европе, в частности, по отношению к Руси². В этой связи назрела также необходимость пересмотреть и вопрос о роли Иннокентия III в четвертом крестовом походе и выяснить действительное влияние римской курии на ход событий, закончившихся разгромом Византии в 1204 г.

С исчерпывающей ясностью позицию Иннокентия III во время четвертого крестового похода определил К. Маркс в своих „Хронологических выписках“, подчеркнув лицемерное, двуличное поведение римского папы. Иннокентий III видел план Дандоло насквозь, — писал К. Маркс, — „именно, он понимал (разрядка наша. — М. Э.), что... Дандоло хотел надуть неплатежеспособных западных крестоносцев и использовать их в интересах Венеции для завоеваний“³. И, однако, он „дал свое согласие, — продолжает К. Маркс, — на крестовый поход“⁴. В другом месте, говоря об оправдании Иннокентием III захвата и грабежа византийской столицы западноевропейскими феодалами, К. Маркс замечает: „Папа, выразив для приличия свое негодование, дает в конце концов отпущение этому скотству и гнусностям „пилигримов““⁵. Эти важнейшие указания К. Маркса послужили в настоящей работе отправным пунктом при изучении роли Иннокентия III в четвертом крестовом походе.

ский византист Ф. И. Успенский в своей „Истории крестовых походов“ (СПб., 1901, стр. 117, 122) выдвинул некоторые предположения о причастности Иннокентия III к изменению направления четвертого крестового похода, но затронул этот вопрос очень бегло, не аргументируя своих интересных гипотез данными источников. А. Luchaire (Innocent III, p. 100—101, 106—107, 109, 114 ss.) и E. Faral (Géoffroy de Villehardouin..., p. 543—545, 559—564) отмечают в отдельных случаях двойственность политики Иннокентия III в отношении крестоносцев, однако оправдывают его действия неосновательными ссылками на некие „высшие“ цели, которые папа будто бы преследовал в походе и во имя которых он шел на „вынужденные“ компромиссы.

¹ А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова „История западноевропейской философии“ 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1947, стр. 41.

² В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII в.). „Вопросы истории“, 1949, № 5, стр. 52—76; его же. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М., 1950, стр. 238—277.

³ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 198.

* * *

В сложном переплетении международных отношений, оказавших непосредственное влияние на ход и результаты четвертого крестового похода, наряду с венецианско-византийскими и германо-византийскими противоречиями значительное место занимал антагонизм папства и Византии. В основе его лежала агрессивная политика Иннокентия III, поставившего своей целью установление политического главенства римской курии над феодальным миром Запада и Востока. В планах, которые лелеял Иннокентий III, Византия занимала видное место. Иннокентий III намеревался включить Византию в орбиту папского влияния; идеологическим прикрытием этих захватнических целей Иннокентия III служил вопрос о воссоединении церквей, который папа поднимал с первых же дней своего понтификата¹.

Тогда же в 1198 г. Иннокентий III бросил призыв к крестовому походу², который должен был явиться важным средством для осуществления захватнических замыслов снедаемого жадной всевластия римского владыки. При этом Иннокентий III стремился использовать материальные и военные ресурсы Византии: он рассматривал ее территорию как наиболее удобный плацдарм для наступления против „неверных“. В своем первом послании к Алексею III³ папа выдвигал перед ним требование снарядить войско для освобождения „святой земли“, мотивируя это требование тем, что Алексей III может выступить успешнее, чем кто бы то ни было из других государей, — „как благодаря близости мест, так и изобилию богатств и могуществу“⁴. Возможность использовать Византию в крестовом походе разжигала захватнические аппетиты папы.

Одним из стимулов агрессивной политики Иннокентия III по отношению к Константинополю была, кроме того, продолжавшаяся в его понтификат борьба папства с Германской империей за преобладание в феодальном мире. Штауфены также стремились к захвату Византии. Это стремление ярко проявилось при Фридрихе Барбароссе и особенно — с 90-х годов XII в., когда Генрих VI, этот „каналья чистейшей воды“⁵, создав посредством брака Филиппа Швабского с Ириной, дочерью Исаака II Ангела, формальный предлог для будущих притязаний на византийский престол, потребовал от византийского императора территориальных уступок и в 1197 г. готовился под видом крестового похода выступить против Византии. Борьба за Византию обостряла вражду римской курии и Штауфенов. Византия служила крупным козырем в игре, которую вели эти средневековые „претенденты на мировое господство“.

Укрепление позиций римской курии в Византии было желательно, таким образом, для Иннокентия III, по крайней мере, в трех отношениях: оно расширило бы непосредственную сферу политического влияния римской курии и тем самым содействовало бы ее обогащению путем присвоения богатств и доходов греческой церкви; явилось бы важным шагом к дальнейшему увеличению политического влияния папства на Востоке (крестовый поход) и, наконец, служило бы подспорьем

¹ *Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim*, ed. St. Baluzius, t. I, Paris, 1682; lib. I, № 353. Ниже в сокращ. *Epist. Innoc. III*.

² *Epist. Innoc. III*, lib. I, № 11, 300, 336.

³ *Ibid.*, № 353.

⁴ *Ibid.*

⁵ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 177.

в борьбе против притязаний Штауфенов. Именно эти интересы папства определили позицию Иннокентия III по отношению к Византии и анти-византийским планам западноевропейских государств во время четвертого крестового похода.

Иннокентий III, организуя крестовый поход, сразу же применил против Византии все ухищрения своей не стеснявшейся в средствах дипломатии.

В 1198 г. Иннокентий III потребовал от Алексея III согласия на церковную унию (на условиях полного подчинения православной церкви римской) и на участие Византии в крестовом походе¹.

Папа воспользовался благоприятной для себя общеполитической обстановкой (феодалыная распря Вельфов и Штауфенов в Германии после смерти Генриха VI, внутри- и внешнеполитические осложнения Византии в конце XII в.) для активизации своей антивизантийской политики.

В своем послании к византийскому императору Иннокентий III не ограничился „отеческими“ увещеваниями и ссылками на евангелие: он счел нужным для вящей убедительности прибегнуть к прямой, хотя и прикрытой дипломатической формулой угрозе. Зная, что Алексей III опасался возможности возобновления наступательной политики Штауфенов против Константинополя (под предлогом восстановления „законного“ императора, т. е. Исаака II Ангела, свергнутого в 1195 г.), Иннокентий III пригрозил Алексею III в случае, если тот отвергнет выдвинутые им требования, выполнить свой „долг отправления правосудия“ (*non possemus transire... quin nostrum exequeremur officium... iustitiam judicandi*)². За этими словами скрывался вполне отчетливый и ясный, — по крайней мере, для того, в чей адрес он был направлен, — намек: папа угрожал выступить в защиту Исаака II Ангела, за которым стояла внушавшая Алексею III опасения тень Филиппа Швабского. Значение этой угрозы выступает особенно явственно в свете последующих событий: характерно, что в 1202 г., когда созрели планы двинуть крестоносцев на Константинополь — и именно под предлогом восстановления на престоле „законных“ правителей, — планы, которые встретят полную поддержку Иннокентия III, — в своем письме к Алексею III он употребит ту же формулу: *iustitiam facere*³.

Из этого видно, что задолго до начала четвертого крестового похода Иннокентий III тайно вынашивал, тогда еще, вероятно, лишь в самой общей форме, планы использовать силы Запада против Византии. Только так может быть истолкована его угроза Алексею III.

Мысль об этом не оставляет Иннокентия III и в 1199 г., когда во Франции начались первые приготовления к крестовому походу и когда в связи с этим вопрос о Византии стал приобретать для папы все более серьезное значение. Требования объединения церквей и участия Византии в крестовом походе (Константинополь отклонял эти требования)⁴ раздаются в это время с еще большей настойчивостью⁵. Наступательный тон папской дипломатии резко проявляется во втором послании Иннокентия III к Алексею III, где папа повторяет в новом варианте старую угрозу по адресу императора, заявляя, что найдет средства выступить „как против тебя (Алексея III. — М. З.), — ибо

¹ Epist. Innoc. III, lib. I, № 353.

² Ibid.

³ Ibid., lib. V, № 122.

⁴ Ibid., lib. II, № 210 (февраль 1199 г.).

⁵ Ibid., № 209, 211 (ноябрь 1199 г.).

ты мог бы, если бы захотел, выполнить то, чего мы требуем, — так и против патриарха и греческой церкви¹. Иннокентий III угрожает императору „сильной бурей“ в случае неповиновения и сулит ему „благодатный покой“, если Алексей III примет его „советы“². Очевидно, и в этой угрозе скрывался намек на возможность использования против Алексея III тех феодальных сил Западной Европы, которые смогут выступить в „защиту“ Исаака II Ангела.

По мере дальнейшего развития событий Иннокентий III стремится привести в исполнение эти в 1198—1199 гг. еще неясные в смысле путей практического осуществления, но достаточно отчетливые по своей агрессивной направленности угрозы.

* * *

Первым шагом Иннокентия III в этом направлении было утверждение 8 мая 1201 г. договора³ крестоносцев с Венецией (об условиях перевозки крестоносного войска венецианским флотом), заключенного в начале апреля 1201 г. Этот договор, представленный обеими сторонами на одобрение папе⁴, неизбежно должен был вызвать у такого проинициативного политика, как Иннокентий III, подозрения о подлинных намерениях Венеции по отношению к крестоносцам. В договоре весьма расплывчато формулировалась непосредственная цель предприятия (*ad liberandum terrae sanctae, in illis partibus*)⁵. Те, против кого предпринимался поход, в тексте договора не назывались „неверными“: они фигурировали здесь просто в качестве *hostes*; договор как бы избегал упоминать этих *hostes* под их собственным именем. Самые условия, навязанные крестоносцам венецианской патрицианско-купеческой олигархией, были сформулированы весьма своеобразно.

При рассмотрении *Pacte de nolis* бросается в глаза, что участники похода, согласно договору, должны были выплатить сумму в 85 тыс. марок, назначенную в качестве платы за фрахт, независимо от числа их самих. В договоре „предусмотрительно“ отсутствовало условие, регулировавшее размер платы за провоз в соответствии с числом крестоносцев, которые явятся в Венецию. Это обстоятельство не могло остаться незамеченным папой, искусственным в тонкостях юридической казуистики. Между тем именно отсутствие такой оговорки обусловило в известной мере тот факт, что крестоносцы впоследствии оказались в „долгу“ перед Венецией⁶. С другой стороны, наряду со всеми этими „неопределенностями“, *Pacte de nolis* содержал одно более чем в категорическом виде сформулированное условие. Это условие касалось того, что будет захвачено крестоносцами силой оружия или иным

¹ Epist. Innoc. III, lib. II, № 211.

² Ibid.

³ Текст договора см. G. L. Tafel und G. M. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante, I Theil (814—1205), Wien, 1856, S. 362 ff. Ниже в сокращ. Tafel u. Thomas, Urkunden.

⁴ Villehardouin. La conquête de Constantinople, chap. VI, ed. A. Pauphilet, Historiens et chroniqueurs du moyen âge, Paris, 1938, p. 80—81; Gesta Innocentii III, § 83, Ed. St. Baluzius, Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim, t. I, Paris, 1682.

⁵ По словам Виллардуэна, после составления договора крестоносцам было объявлено, что они „отправятся за море“: „il en iroient en outre mer“. Villehardouin. La conquête de Constantinople, VI, p. 80.

⁶ См. П. Митрофанов. Изменение в направлении IV крестового похода. „Византийский временник“, т. IV, СПб., 1897, стр. 468.

путем (по договору): раздел добычи предусматривался поровну между Венецией и крестоносцами¹. Иннокентий III знал о напряженности отношений между Венецией и Византией: это ни для кого не составляло тайны. Папа понимал всю невыгоду для Венеции содействовать походу против Египта (во время предварительных совещаний баронов-крестоносцев речь шла именно о Египте как конечной цели похода²), с которым республика св. Марка поддерживала оживленные торговые сношения: Иннокентий III еще в 1198 г. запретил венецианцам продавать оружие сарацинам³.

Все это, вместе взятое, не могло не натолкнуть папу на мысль о ловушке, которую дож Энрико Дандоло готовил для крестоносцев, — о том, что дож задумал превратить поход против мусульман в поход против христиан. Мы уже приводили высказывание К. Маркса, по словам которого, „Иннокентий III видел план Дандоло насквозь“, понимал, что дож хотел использовать крестоносцев „в интересах Венеции для завоеваний“⁴.

И тем не менее, Иннокентий III в мае 1201 г. утвердил — и даже „весьма охотно“ (*mult volentiers*)⁵ — договор крестоносцев с Венецией⁶, которая решила „сделать из крестоносной глупости торговую операцию“⁷. Иннокентий III приветствовал заключение этого договора: в послании к венецианскому духовенству (об отчислении средств на крестовый поход), написанном тотчас по утверждении договора, Иннокентий III выражает откровенное удовлетворение тем, что его „возлюбленные сыновья, дож Энрико и венецианский народ решили оказать святой земле столь могучую поддержку“⁸. Более того, из текста договора ясно видно, что венецианцы, заключая этот договор, повиновались неоднократным настояниям папы: „... *Ad exhortationem... summi pontifici, qui ad hoc saepius nos paterna sollicitatione commovuit*“⁹.

¹ Cp. L. Streit. Venedig und die Wendung des vierten Kreuzzuges gegen Konstantinopel, Anklam, 1877, S. 29.

² Villehardouin. La conquête de Constantinople, VI, p. 80.

³ Epist. Innoc. III, lib. I, № 539 (3 декабря 1198 г.).

⁴ См. выше, стр. 154.

⁵ Villehardouin. La conquête de Constantinople, VI, p. 81.

⁶ По сообщению папского историографа, Иннокентий III в ответ на просьбу крестоносцев и венецианцев утвердить договор, „заключенный между ними для оказания помощи святой земле“, заявил будто бы, что он сделает это, если только будет оговорено, что они „не причинят вреда христианам“ (*Gesta Innoc. III, l. c.*). Оправдательный и тенденциозный характер этого сообщения автора „Деяний Иннокентия III“ очевиден, особенно, если принять во внимание, что аноним нарочито подчеркивает здесь дальновидность папы (*futurorum esset praesagiens*) и, забегая вперед, стремится переложить всю вину за происшедшее позднее на венецианцев, когорные, по его словам, отвергли условия папы, „из чего видно, каковы были их намерения“. Искусственность и тенденциозность этого построения „Деяний“ доказывается также почти дословным совпадением его с текстом письма Иннокентия III, отправленного крестоносцам после захвата Задара (*Epist. Innoc. III, lib. V, № 161*). Факт утверждения папой договора засвидетельствован, помимо Виллардуэна, в анонимной хронике *Devastatio Constantinopolitana*, ed. Ch. Hopf, *Chroniques gréco-romanes*, Berlin, 1873, p. 87. Ценность этого свидетельства особенно велика, так как *Devastatio Constantinopolitana* является одним из лучших источников для истории четвертого крестового похода. К тому же автор хроники отличается объективностью в отношении венецианцев, что в данном случае весьма существенно. Сообщение же папского историографа говорит лишь за то, что Иннокентий III, утверждая договор, прибег к обычным для него лицемерным оговоркам.

⁷ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁸ *Archive de l'Orient latin*, t. I, Paris, 1881, p. 388.

⁹ *Tafel u. Thomas. Urkunden*, S. 365.

Санкционировав предприятие Венеции, возможные последствия которого он безусловно предугадывал, папа выступил как активный и сознательный соучастник и покровитель этого предприятия. Иннокентий III в сущности „благословил“ венецианцев на осуществление захватнических замыслов против Византии; с другой стороны, он одобрил превращение крестоносцев в антивизантийское орудие в руках Венеции. Это значит, что уже в самом начале четвертого крестового похода Иннокентий III способствовал дальнейшему разворачиванию событий именно в том направлении, которое они приняли впоследствии, т. е. против Константинополя.

Планы Дандоло, собиравшегося руками крестоносцев упрочить положение венецианцев в Византии и, согласно Никите Хониату, с самого начала наметившего путь на Константинополь¹ (о том же пишет Новгородский летописец: „съ же дужь много брань замышляше на град“²), в известной мере совпадали с политическими интересами Иннокентия III. Его недавние угрозы по адресу византийского императора и скрывавшиеся за ними тайные проекты выполнения „долга отправления правосудия“ теперь получали некоторую реальную основу для своей реализации. Появилась сила, которая при определенных обстоятельствах могла быть использована Иннокентием III для подчинения Византии. Ловкий делец на папском престоле, Иннокентий III не мог упустить такого случая. Он „дал свое согласие на крестовый поход“, правда, лицемерно оговорившись „условием, что крестоносцы в своем походе не будут нападать на христиан“³.

* * *

Вскоре для осуществления папских замыслов представились новые возможности.

Одновременно с Венецией агрессивные планы использования крестоносцев против Византии начали претворяться в жизнь наследником Генриха VI — германским королем Филиппом Швабским и его союзником и агентом — предводителем крестового похода маркизом Бонифацием Монферратским. Последний в конце декабря 1201 г. прибыл ко двору Филиппа Швабского, в Гагенау⁴. Наряду с другими, они обсуждали и вопрос о том, чтобы „вернуть в Константинополь с помощью христианского войска и водворить на престоле Римской империи“⁵ сына Исаака — царевича Алексея. Филипп Швабский мог информировать Бонифация Монферратского о положении дел в Византии и о предполагавшемся бегстве Алексея, о котором он, надо думать, был неплохо осведомлен, так как все время держал связь с бывшим византийским императором. Штауфен переписывался с ним и вел секретные переговоры через своих доверенных лиц. Делать это было нетрудно, так как „всякий желающий имел доступ к Исааку“⁶. Исаак, по словам Никиты Хониата, держал с „латинянами“ „тайные совещания о том,

¹ Nicetae Choniatae Historia, de Alexio Isacii Angeli fr., lib. III, ed. Bonn, 1835, p. 714.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 49.

³ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁴ I. Fr. Böhmcr. Regesta imperii. Die Regesten des Kaiserreiches unter Philipp, Otto IV etc., Stuttgart, Tübingen, 1847, S. 13.

⁵ Gesta Innoc. III, l. c.

⁶ Nic. Chon. Historia, p. 710.

как бы отплатить за обиды и низвергнуть Алексея“, он „посылал письма к дочери своей Ирине“ и в свою очередь „получал оттуда ответы с наставлениями о том, как ему поступать“¹.

Обсудив возможности направить крестовый поход в сторону Константинополя, Филипп Швабский и Бонифаций Монферратский в начале 1202 г.² приняли меры к тому, чтобы выяснить позицию Иннокентия III и, если удастся, заручиться его поддержкой в этом „деле“: маркиз Монферратский отправился в Рим. Во время переговоров с папой Бонифаций намекнул Иннокентию III на имеющийся проект использования крестоносцев для „восстановления“ на престоле Исаака II, о чем кратко сообщает автор „Деяний Иннокентия III“³.

Из сообщения папского историографа видно, что Иннокентий III категорически отклонил предложения Бонифация Монферратского⁴. Однако достоверность показаний анонима, все произведение которого является панегириком папе, вызывает сильное сомнение. Характерно, что описание переговоров Бонифация Монферратского и папы у него дано очень сжато. Составитель „Деяний“, не желая компрометировать Иннокентия III, явно спешит скрыть факты, одно лишь беглое упоминание о которых могло бы дать повод к заключениям, неблагоприятным для репутации римского первосвященника. Кроме того, нельзя не заметить прямой связи краткого сообщения анонима с текстами писем Иннокентия III, лицемерно, как будет показано ниже, запрещавшего поход на Византию.

Наводит на размышление и другое обстоятельство: принимая Бонифация Монферратского как вождя крестоносцев, Иннокентий III в то же время принимал в его лице уполномоченного короля Филиппа Швабского, отлученного и не признанного папой. Через Бонифация Монферратского Иннокентий III вел переговоры с германским королем о чисто политических делах, связанных с крестовым походом. Ф. И. Успенский справедливо заметил, что, повидимому, „был особенный мотив в этих сношениях, который не был противен и папе“⁵.

Все это говорит скорее в пользу того, что Иннокентий III отнесся к предложениям Штауфена, сделанным через Бонифация Монферратского, не столь уж неблагоприятно, как это пытается показать официальный историограф папы.

В распоряжении историка имеется и прямое документальное свидетельство, показывающее, что Иннокентий III вошел в сделку с Бонифацием Монферратским. Несколько лет спустя, в 1205 г., маркиз Монферратский напомнил папе, что в свое время он (Бонифаций) взял на себя дело царевича Алексея, между прочим, и потому, что „таков был совет“, данный ему „возлюбленным сыном апостольского престола, легатом Петром“ (Капуанским)⁶. Эти слова проливают яркий свет на действительное отношение Иннокентия III к предложениям Бонифация

¹ Nic. Chon. Historia, p. 711.

² Бонифаций Монферратский прибыл при дворе Штауфена около месяца. E. Winkelmann. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig, t. I, Leipzig, 1873, S. 256.

³ Gesta Innoc. III, § 83:... Coepit agere a remotis...

⁴ Ibid., § 83, 85.

⁵ Ф. И. Успенский. История крестовых походов, СПб., 1901, стр. 117.

⁶ Сохранилось только ответное письмо Иннокентия III Бонифацию Монферратскому, позволяющее воспроизвести слова последнего, обращенные к папе (Epist. Innoc. III, lib. VIII, № 133). В этом письме говорится:... (Quod autem illius adolescentis suscepisti ducatum... consilium fuit dilecti filii, Petri... apostolicae sedis legati...).

Монферратского. Сделка папы с вождем крестоносцев не может вызывать сомнений.

Вскоре в Рим явился бежавший из Византии и высадившийся весной 1202 г.¹ в Италии царевич Алексей. Перед тем, как отправиться в Германию, он посетил Иннокентия III. Принеся папе жалобу на Алексея III, царевич обратился к нему с просьбой о помощи.

Возможно, что царевич сделал папе предложения, подобные тем, с которыми незадолго до этого к нему обратился Бонифаций Монферратский. Руководствуясь наставлениями своего германского тестя (автор Морейской хроники прямо пишет, что обратиться к папе рекомендовал Алексею Филипп Швабский²), он мог при этом изъяснить перед Иннокентием III готовность подчинить греческую церковь римской и оказать в дальнейшем поддержку крестоносцам силой Византии, разумеется, на условии содействия папы своему восстановлению на престоле: гипотеза такого рода подтверждается тем, что именно эти предложения (но после свидания с Филиппом Швабским — в более конкретной форме) Алексей сделал несколько позже вождям крестоносцев, о чем говорят все наши источники.

Как реагировал Иннокентий III на обращение к нему византийского царевича?

Сведения об этом мы можем почерпнуть только из письма Иннокентия III к императору Алексею III от 16 ноября 1202 г.³ Но папа не передает Алексею III конкретного содержания и, тем более, — результатов своих переговоров с греческим беглецом. Он только использует факт переговоров для нового и, как мы увидим, крайне двучлиного дипломатического шантажирования византийского императора⁴.

Папа заявляет довольно неопределенно, что „мы дали царевичу ответ сообразно с тем, что считали нужным“, и добавляет, что после этого он „покинул нас и, разгневанный, поспешил к своему тестю Филиппу“ (т. е. Филиппу Швабскому)⁵. Буржуазные апологеты папства на основании этих слов единогласно утверждают, что Иннокентий III отклонил предложения царевича. Однако более чем „туманный“ ответ папы на запрос Алексея III не может считаться веским доказательством в пользу этого мнения. Неопределенность сообщения папы Алексею III о результатах переговоров с царевичем свидетельствует скорее об обратном. Добавление о „разгневанном“ состоянии царевича, в котором тот якобы отправился в Германию, сделано с явным умыслом „успокоить“ Алексея III, встревоженного слухами о намерениях кресто-

¹ Эту дату установил, вопреки традиционной — 1201 г. — В. Г. Васильевский. См. нашу статью „Крестовые походы в русской буржуазной историографии“, „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 177. Следует отметить, что E. Faral (*Géoffroy de Villehardouin... , p. 548—553*), также принимающий 1202 г. как дату побега Алексея, умалчивает о приоритете В. Г. Васильевского в установлении этого факта. Крайне необоснованную попытку пересмотреть вопрос и доказать правильность прежней точки зрения предпринял Н. Grégoire. *The question of the diversion of the fourth crusade, „Byzantion“, vol. XV, 1940—41*. Верную дату приводит В. Николас в *Хрониката на Жофруа дьо Вилардуэн: завладяването на Цариград, София, 1947, стр. 24*.

² *Chronique de la conquête de Constantinople et de l'établissement des français en Morée*, ed. I. A. C. Buchon, Paris, 1825, p. 42. Ниже в сокращ. *Chronique de Morée*.

³ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122*. Краткое сообщение *Gesta Innoc. III, § 82* основано на данных этого письма.

⁴ См. ниже, стр. 168 сл.

⁵ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122: ... Cumque nos eidem dedissemus responsum juxta quod vidimus expedire, recessit a nobis et ad... Philippum sororium suum concitus properavit*.

носцев, и уверить его в благожелательном отношении папы. В этом искусственном „*conspicitur propegravit*“ явственно виден ловкий прием римского мастера дипломатических интриг.

Чтобы подкрепить свою голословную защиту папы, буржуазные исследователи идут по скользкому пути общих домыслов о причинах отклонения Иннокентием III просьбы Алексея. В частности, они ссылаются на то, что поддержка Алексея привела бы к политическому успеху Штауфенов, что противоречило интересам римской курии. Однако этот довод не является убедительным. Хотя крестоносцы, выступая исполнителями штауфенских планов восстановления на византийском престоле Алексея, косвенно способствовали бы делу Филиппа Швабского, — едва ли папу в 1202 г. могла тревожить мысль об этом. Дела Штауфена в то время были в таком плачевном положении, что даже успех его крестоносного плана был бы не в состоянии существенно изменить неблагоприятную для него конъюнктуру в Германии. Сам Иннокентий III отлично видел бессилие Штауфена¹ и понимал, что в конце концов крестоносные интриги Филиппа Швабского, поскольку они предприняты с целью улучшить его позиции в Германии, являлись только авантюрой. У Иннокентия III не было причин опасаться того, что удача похода на Константинополь ослабит позиции папства в борьбе с Германской империей. Наоборот, поход мог бы способствовать приведению в исполнение давно вынашивавшихся папой планов подчинения греческой церкви и использования Византии для завоевания мусульманского Востока. Выгоды дела, в случае успеха похода, явно превосходили его маловероятные отрицательные для курии последствия, которые так преувеличивают новейшие защитники Иннокентия III. Кроме того, история германской политики Иннокентия III показывает, что папа не являлся принципиальным и непримиримым врагом Филиппа Швабского; изворотливый политик, он в подходящий момент готов был пойти на компромисс со Штауфеном, если это сулило выгоду римской курии: так обстояло дело, например, в 1207 г.²

Таким образом, ни источники, исходящие из папской канцелярии, ни „общие соображения“ не дают оснований утверждать, что Иннокентий III отклонил предложения Алексея. Впрочем, трудно и ожидать от документов, вышедших из папской канцелярии, прямых свидетельств обратного — того, что Иннокентий III принял предложения царевича Алексея. Иннокентий III естественно не мог открыто предать пергаменту свою сделку со штауфенской партией (Филипп Швабский, Бонифаций Монферратский, Алексей). Он не только не мог, не подрывая своего авторитета, дать формального согласия на изменение направления крестового похода, но должен был, сохраняя вид благочестивой невинности, на словах самым решительным образом осудить всякие намерения подобного рода. Повидимому, так он и поступал во время переговоров и с Бонифацием Монферратским и с Алексеем, тем более, что последнего он принял не с глазу на глаз, а „в присутствии многих кардиналов и знатных римлян“³.

Совершенно иные, прямо противоположные тем, которые мы находим в папских источниках, сведения об отношении Иннокентия III к предложениям агентов Филиппа Швабского, в том числе и Алексея, дают хроникеры. Особенно показательными являются данные Новгородской

¹ См., например, Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

² E. Winkelmann. Philipp von Schwaben und Otto. IV von Braunschweig, S. 406 ff.

³ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

летописи. Русский летописец, очевидец захвата Константинополя, имевший возможность беседовать на месте с участниками этого разбойничьего предприятия¹, внес в Новгородскую летопись чрезвычайно интересные сведения о предистории похода. К сожалению, сохранилась только часть его ценнейшего рассказа.

Данные Новгородской летописи не только подтверждают факт переговоров Филиппа Швабского с Иннокентием III („цесарь нѣмечьскый посла к папѣ в Рим“²), но и указывают на договоренность, достигнутую в Риме между уполномоченными Штауфена и Иннокентием III по вопросу о восстановлении царевича Алексея. Русский летописец приводит наставления, с которыми Филипп Швабский и Иннокентий III обратились к крестоносцам. Они рекомендовали им посадить на константинопольский престол Алексея и лишь после этого — идти дальше на Восток: „Такоже посадыче его на прѣстолю, поидете же къ Иерусалиму въ помощь“³. Русский летописец пишет о совместных наставлениях папы и германского короля крестоносцам, о том, как „казалъ имъ цесарь нѣмѣчьскый и папа Римьскый“⁴. Новгородский летописец усматривает в походе крестоносцев на Византию результат соглашения Иннокентия III и Штауфена.

Близкие к версии Новгородской летописи известия о результатах переговоров, происходивших в 1202 г. в Риме, мы находим и в некоторых западноевропейских хрониках, а также у византийских писателей — Никиты Хониата и Георгия Акрополита.

Монах Альберих пишет в своей хронике, что папа пошел навстречу царевичу: „Он очень хотел, чтобы Алексей был восстановлен крестоносцами в отчих владениях“⁵. Еще более выразительно высказывается автор Морейской хроники, по словам которого, папа был очень обрадован сделанными ему предложениями⁶. Никита Хониат и венецианский хроникер Мартин де Канале прямо связывают последующее обращение царевича Алексея к крестоносцам с указаниями, сделанными ему папой. Никита Хониат пишет, что Иннокентий III снабдил Алексея грамотой, в которой обещал „величайшие выгоды всем соучастникам этой, — как пишет византийский историк, — разбойничьей шайки (т. е. крестоносцам. — М. З.), если они примут Алексея под свое покровительство и возведут его на отцовский престол“⁷. Итальянский хроникер рисует подробную картину переговоров царевича Алексея с Иннокентием III. В ответ на просьбу царевича папа, согласно хронике Мартина де Канале, не только в принципе согласился оказать ему помощь, но и принял конкретные меры для этого: „Лучше всего, — будто бы заявил он, — я пошлю к крестоносцам своего легата, чтобы они оставили путь на Иерусалим, повернули к Константинополю и восстановили царевича в его городе“⁸.

¹ П. М. Бицилли. Новгородское сказание о IV крестовом походе, „Исторические известия“, № III — IV, М., 1916, стр. 56—58.

² Новгородская летопись, указ. изд., стр. 46.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ Chronica Albrici monachi Trium Fontium, Monumenta Germaniae historica, Script. (MGHSS), t. XXIII, p. 880: ... Qui (papa. — М. З.) hoc benigne concessit et bene voluit [ut per eos (crucesignatores. — М. З.)] in paternum restitueretur imperium.

⁶ Chronique de Morée, p. 44.

⁷ Nic. Chon. Historia, p. 715.

⁸ La cronaca dei veneziani del maestro Martino da Canale, Archivio storico italiano, t. VIII, Firenze, 1845, p. 324.

Наконец, рассказ, аналогичный приведенным выше, мы находим и у более позднего византийского писателя — Георгия Акрополита. Последний пишет, что папа, „преклонившись его (царевича Алексея) просьбами, а еще более — обещаниями (они были, — подчеркивает автор, — очень велики), поручил отрока вождям войска с тем, чтобы они, свернув с предстоящего пути, возвели его на отцовский трон и взяли с него издержки, какие будут сделаны в дороге и у Константинополя“¹. Византийский историк недвусмысленно говорит, что крестоносцы действовали в соответствии с „распоряжениями римского первосвященника“².

Все эти сообщения прямо перекликаются с тем письмом Бонифация к папе, в котором маркиз ссылался на совет легата³.

Весь ход событий позволяет предположить, что скорее всего во время переговоров Иннокентий III, уклоняясь от прямого ответа на выдвинутые перед ним предложения, и демонстрируя свою верность идее похода против мусульман, косвенным путем все же дал понять, что не будет мешать планам „совершения правосудия“⁴ с помощью крестоносного войска: поэтому-то, вероятно, Алексей, уразумев должным образом позицию папы, и „поспешил“ в Германию. Характерно, что тотчас по прибытии Алексея ко двору Штауфена, в Венецию к вождям крестоносцев были отправлены германские послы (сентябрь 1202 г.)⁵ с поручением поддержать просьбу царевича перед крестоносцами. Сам Иннокентий III в своем письме Алексею III от 16 ноября 1202 г. в сущности проговаривается, сообщая, что Филипп Швабский после свидания с царевичем „без всякого промедления (*sine qualibet dilatione*) направил послов к вождям христианского войска“⁶. Из этого „без всякого промедления“ можно видеть, что Филипп Швабский должен был быть удовлетворен результатами переговоров царевича с папой. Он не видел в лице Иннокентия III препятствия к осуществлению своих антивизантийских планов и поэтому спешил твердо договориться с крестоносцами.

Так, Иннокентий III, в 1201 г. благословивший венецианцев, в 1202 г. санкционировал антивизантийские замыслы исполнителей штауфенской политики. Каждое действие сил Запада, готовившихся нанести удар Византии, встречало негласное одобрение и поощрение Иннокентия III, который потворствовал осуществлению захватнических планов, созревавших в Италии и в Германии.

* * *

Важным этапом в истории четвертого крестового похода, окончательно определившим перемену его направления, был захват Задара (Зары) (середина ноября 1202 г.). Как известно, решающая роль в этом событии принадлежала Венеции и баронам, возглавлявшим крестоносное ополчение. Однако Иннокентий III, хотя это и замалчивается буржуазной историографией, отнюдь не стоял при этом в стороне. Иннокентий III знал из многих источников о предстоящем походе

¹ Georgii Acropolitae Historia, c. 2, ed. A. Heisenberg, Lipsiae, 1903, p. 5.

² Ibid., p. 6.

³ См. выше, стр. 160.

⁴ См. выше, стр. 156.

⁵ W. Norden. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz, S. 37, Anmerk. 3.

⁶ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

против Задара. Его известил об этом, в частности, легат курии при крестоносном войске Петр Капуанский, который, в то время, когда флот крестоносцев бороздил воды Адриатики, направился в Рим: он одновременно (октябрь 1202 г.) и „очень ясно открыл папе злое намерение (*pravam intentionem*) венецианцев“¹. Иннокентий III тотчас поспешил направить к крестоносцам аббата де Лочедо² с посланием, в котором под угрозой отлучения „запрещал“ нападать на христианские земли, в том числе и на владение принявшего крест венгерского короля — Задар³. На деле, однако, это выступление папы было продиктовано необходимостью поддержать чисто внешним образом свой авторитет как главы католической церкви: по существу Иннокентий III не противодействовал, а способствовал грязному делу Венеции и вождей крестоносцев. Мы располагаем прямыми и заслуживающими полного доверия свидетельствами современников, подтверждающими эту точку зрения.

Хроники Гюнтера Перисского и анонимного автора из Гальберштадта сообщают: в связи с тем, что предложения венецианцев относительно похода против Задара вызвали замешательство в крестоносном ополчении, особенно среди бедняков, которые, „оставив войско, повернули паруса и вернулись во-своя“⁴, некоторые сеньоры обратились за советом к легату Петру Капуанскому, спрашивая, как им поступать (например, епископ Конрад)⁵; иные снеслись непосредственно с Римом, пытаясь добиться у папы разрешения вернуться домой (под условием выполнить крестоносный обет несколько лет спустя)⁶. Таким образом, Иннокентию III представлялась возможность помешать захвату Задара, пресечь *pravam intentionem* дожа Дандоло. Он, однако, не собирался воспользоваться этой возможностью. Вернувшийся из Рима посланец крестоносцев передал, что папа настаивает на том, „чтобы все оставались на своем месте“⁷. Легат Петр Капуанский ответил епископу Конраду, что „не будет соответствовать намерениям папы, если войско рассеется, не дойдя до цели паломничества“ и на этом основании рекомендовал Конраду „ни в коем случае не оставлять войска“⁸. Еще более выразительно легат высказал волю римского понтифика в обращении к другим участникам похода: он заявил, что в конце концов простительнее (*est eis veniale magis*) искупить малое зло великим благим делом (*minori malo majus bonum compensare*), нежели, оставив крестоносный обет невыполненным, бесславными грешниками вернуться

¹ *Gesta Innoc. III*, § 85. Возможно также, что папа узнал о подготовке Задарской авантюры и от Бонифация Монферратского, который вторично посетил Рим, вероятно, одновременно с легатом, т. е. в октябре 1202 г. Ср. P. Riant. *Op. cit.*, p. 55—56. Кроме того, в Рим направились гонды непосредственно от крестоносцев: *Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana*, cap. VI, ed. P. Riant, „*Exuviae sacrae Constantinopolitanae*“, Geneva, 1877, p. 72.

² *Gesta Innoc. III*, l. c.

³ *Ibid.*

⁴ *Gunth. Paris. Historia Cpolitana VI*, p. 71: *Multi pauperes... relicto exercitu, versis vestigiis, ad propria regressi sunt...*

⁵ *Anonymi Halberstadensis Chronicon*, cap. I, ed. P. Riant, „*Exuviae sacrae Constantinopolitanae*“, Geneva, 1877, p. 12: *Dominus Conradus episcopus... domini Petri Capuani, apostolicae sedis legati, quid ei foret in tali articulo faciendum consilium requisivit*. Cp. *Gunth. Paris. Historia Cpolitana VI*, p. 72.

⁶ *Gunth. Paris. Historia Cpolitana*, l. c.:... *Aliqui, Romam petentes, vix a summo pontifice redeundi licentiam impetrare potuerunt, ea tamen conditione prefixa, ut saltem post aliquot annos votum suae peregrinationis exsolverent*.

⁷ *Ibidem*:... *Ut in locis suis immoti consisterent*.

⁸ *Anonymi Halberstad. Chron.*, l. c.

на родину (*quam votum crucis inexpletum relinquere et gressu retrogrado ad suos cum peccato reportare infamiam*¹)“.

Эти факты достаточно красноречиво рисуют действительное отношение Иннокентия III к Задарской авантюре. Ханжески ссылаясь на „конечные“, „высшие“ цели крестового похода, Иннокентий III стремился сохранить крестоносное войско, которое использовалось тем временем фактически с его же благословения для открытого грабежа далматинского города. Прикрываясь формальным запретом крестоносцам нападать на христианские земли, папа на деле прилагал все усилия к тому, чтобы планы Венеции были осуществлены. Об этом ясно говорит его поведение накануне захвата Задара и после этого преступного акта крестоносного воинства.

Папа располагал более действенными средствами для предотвращения удара, подготовленного Дандоло, чем словесные угрозы и запрещения. Задолженность крестоносцев Венеции, которой последняя воспользовалась для того, чтобы в качестве уплаты долга (или ее отсрочки) потребовать от крестоносцев захвата Задара, была сама по себе сравнительно невелика: она составляла всего 34 тыс. марок. Такую сумму вносили в качестве выкупной платы за освобождение из плена даже феодалы средней руки², не говоря уже о более крупных владетелях.

Если бы Иннокентий III искренно хотел избавить „христианские земли“, в том числе и Задар, от неистовства западноевропейских рыцарей, — ему ничего бы не стоило из средств курии возместить Венеции неуплаченную крестоносцами в срок часть взноса. Но папа и не подумал об этом. Отделавшись словесными угрозами, которые — и папа не мог не понимать этого — не оказали никакого влияния на вождей крестоносцев, тем более — на Дандоло³, Иннокентий III, позаботившись предварительно о сохранении крестоносного войска, сознательно предал событиям идти своим порядком. Задар был взят и разграблен⁴.

После захвата Задара Иннокентий III продолжал сохранять лицемерную позу защитника „христианских земель“. Получив сообщение о взятии Задара, он разразился показной бранью в адрес крестоносцев, выразил „безмерную скорбь“ по поводу того, что они „уклонились с пути“, пролили „братскую кровь“ и нарушили его запрет „нападать на христианские земли“⁵. Но едва только вопрос был переведен на практическую почву, действительное отношение папы к происшедшему обнаружилось совершенно явственно. Он узнал, что в своих бесчинствах крестоносцы вкупе с венецианцами ограбили в Задаре церкви, разрушили здания и, поделив между собой добычу, произвели настоящий погром⁶. И что же? — Его приговор крестоносцам оказался в высшей степени мягким и снисходительным. Папа увещевает грабителей „не прибавлять греха к греху“ (*ne igitur addatur peccato peccatum*), именно, — „не разрушать Задар... более того, чем он разрушен“ (?!), воздерживаться впредь от подобных проступков, постараться возместить ущерб⁷. Этим ограничиваются практические результаты папского „гнева“.

¹ Gunth. Paris. Historia Cpolitana, I. c.

² Ср. Ф. И. Успенский. История крестовых походов, СПб., 1901, стр. 117.

³ Villehardouin. La conquête de Constantinople, XVII, p. 90.

⁴ Devastatio Constantinopolitana, p. 88: Villam sine misericordiam spoliaverunt.

⁵ Epist. Innoc. III, lib. V, № 161.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

О возможности отлучения он говорит в конце письма в очень сдержанных выражениях.

Поведение Иннокентия III при взятии Задара свидетельствует о том, что политические перспективы, которые открылись в ходе предшествующих переговоров с истинными вершителями судеб крестового предприятия, побудили его сделать еще один шаг к тому, чтобы принести „богоугодные“ цели в жертву более реальным политическим выгодам. Воплощение беззастенчивости и алчности римской курии, Иннокентий III стал активным действующим лицом, фактическим вдохновителем крестового похода в том „новом“ направлении, которое ему сообщило переплетение международных противоречий на Средиземном море. Иннокентий III предоставил крестоносцев в руки Венеции; он способствовал ее торговой операции¹ своим потворством задарской авантюре. Папа уже раньше связал себя с Венецией и штауфенской партией, и его позиция осенью 1202 г. являлась естественным развитием этой политики.

* * *

К тому же папа увидел в захвате Задара новое, более могущественное, чем все богословские доводы и дипломатические уловки, средство воздействия на Алексея III. Судьба Задара должна была показать Алексею III возможную участь Византии и таким путем парализовать всякое сопротивление с его стороны.

К этому времени папа должен был быть уже более чем уверен в том, что поход на Константинополь находится в решающей стадии своей подготовки. Уверенность эту подкрепляла и глубокая тревога, охватившая византийского императора сразу же после побега царевича Алексея: ее сигналом было исполненное беспокойства письмо Алексея III к папе, доставленное в Рим греческими посланцами еще в октябре 1202 г.², а также посольство в Венецию, потерпевшее, впрочем, неудачу³. В письме Алексея III к папе настойчиво повторяется одна и та же мысль: византийский император на все лады закликает папу — не помогать ни царевичу, ни Штауфену, любыми средствами убедить крестоносцев отказаться от намерений идти на греческую столицу (*ut eos a tali deberemus proposito revocare*)⁴. Создается такое впечатление, что Алексей III отнюдь не питал иллюзий в отношении „бескорыстия“ и „чистоты намерений“ главы католической церкви, что он был убежден в возможности и вероятности сговора папы с силами, враждебными Византии. И он не ошибался: политика Иннокентия III давала весьма серьезные основания для опасений в Константинополе.

В этой связи нельзя не упомянуть о новых дипломатических мерах, предпринятых Штауфеном в курии. К этому времени относятся *Promissa* Филиппа Швабского папе, среди которых мы находим и пункт о подчинении православной церкви Риму в случае, если „всемогущий бог

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

² Письмо Алексея III не сохранилось, но его содержание может быть воспроизведено на основании ответа Иннокентия III от 16 ноября 1202 г. *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122*.

³ P. Riant. *Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat*, p. 54.

⁴ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122*.

отдаст мне или моему зятю греческую империю“¹. Эти обещания должны были еще более укрепить папу в его тайных намерениях.

Ответ Иннокентия III византийскому императору, датированный 16 ноября 1202 г., ясно показывает, что папа был не только в курсе тех переговоров, которые велись в конце 1202 г. по поводу перемены направления крестоносного предприятия, но заранее благословил вождей крестоносцев на поход против Константинополя, заранее договорился с ними о выгодах, которые получит от этого римская церковь. Папа рассказывает Алексею III о поездке царевича в Германию, переговорах его с Филиппом Швабским, о последующих переговорах послов того и другого с крестоносцами и, в особенности, об обещаниях царевича относительно помощи крестовому походу и объединения церквей, — рассказывает как о чем-то очень хорошо ему известном. Тон сообщения папы свидетельствует об удовлетворенности его этими обещаниями. Он специально подчеркивает, что Алексей „во всем (*in omnibus et per omnia*) готов следовать нашим советам“².

Все это с несомненностью подтверждает, что предводители четвертого крестового похода действовали по согласованию с Иннокентием III.

Письмо папы к Алексею III от 16 ноября 1202 г. может служить образцом вероломной и лживой папской дипломатии. Это письмо явилось в руках папы одним из средств облегчить нападение крестоносцев на Константинополь, усыпив бдительность византийского императора. Оно характерно прежде всего тем, что папа искусно обходит молчанием вопросы, волнующие Алексея III; мы уже отмечали, что Иннокентий III почти ни слова не говорит здесь о том, как он, папа, реагировал на предложения царевича Алексея и тех, кто его поддерживал. Иннокентий III в своем письме к Алексею III избегает какого-либо определенного ответа на просьбы последнего. Он ограничивается туманной и ничего не говорящей фразой о том, что „когда к нам явятся твои послы, мы, обсудив все это в курии, примем решение, которое вполне тебя устроит“ (*illud statuemus quod tibi poterit merito complacere*)³. Он как бы откладывает окончательное решение вопроса до предполагаемого прибытия послов из Византии.

Не давая ясного ответа на тревожные запросы византийского императора, Иннокентий III в то же время старался убедить Алексея III в том, что будто бы еще можно — и это во власти его, папы, — воспрепятствовать походу крестоносцев на Константинополь, решить дело дипломатическим путем при условии капитуляции византийского императора перед римской курией.

Говоря о грозной опасности, нависшей над Византией, Иннокентий III стремится внушить императору страх, но в то же время рисует положение вещей таким образом, что он сам не потерял еще надежды на то, что Алексей III, поняв грозящую ему опасность с Запада, пойдет на уступки Риму, чтобы избавить Константинополь от участи Задара. С одной стороны, папа напоминает Алексею III о планах Штауфенов, указывая, что Филипп Швабский „без труда сможет, подобно тому, как это намеревался сделать император Генрих (VI), вторгнуться в твою империю“⁴. С другой стороны, касаясь обещаний царевича, Иннокен-

¹ Полный текст *Promissa regis* — см. *Monumenta Germaniae historica, Constitutiones et acta publica imperatorum et regum*, t. II, Hannoverae, 1896, p. 8—9.

² *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

тий III, хотя и сохраняет коварно-угрожающий тон, но пишет так, словно еще рассчитывает на „благоразумную“ уступчивость со стороны Алексея III, верит в возможность удовлетворения последним папских требований относительно церковной „унии“ и тем самым — мирного разрешения конфликта Запада с Византией. „Многие утверждают, — пишет Иннокентий III, — что мы должны отдать предпочтение такого рода обещанию (царевича Алексея. — М. З.), ибо греческая церковь не подчиняется апостольскому престолу“¹. Он лицемерно заявляет Алексею III, что позаботился о том, чтобы проявить свою любовь к нему на деле (*nos dilectionem quam ad te habemus in opere demonstrare curavimus*) и на этом „основании“ уговаривает и Алексея III ответить ему не словами, а делом (*operibus et non verbis studeas respondere*)².

Но все это со стороны папы было лишь коварной игрой. Он не верил в уступчивость Алексея III, который даже в своем последнем „униженном“ письме (от середины 1202 г.)³ не считал возможным хотя бы обмолвиться о каких-либо уступках Риму. Папа уже сговорился с теми, от кого непосредственно зависело дальнейшее течение крестового похода. Его угрозы и требования о подчинении Алексея III теперь уже не были рассчитаны на какой-либо реальный эффект в смысле уступок со стороны последнего. Папа стремился лишь ввести в заблуждение византийского императора — и тем самым облегчить предприятие крестоносцев против Византии.

Именно с этой целью Иннокентий III в своем письме к Алексею III умышленно представлял положение таким образом, что будто от него, папы, зависит всё, — зная, что на самом деле судьба Константинополя целиком в руках тех феодальных сил Запада, в сделку с которыми он вступил. Так, папа пишет Алексею III, что вожди крестоносцев в ответ на предложения послов Филиппа Швабского о помощи царевичу, будто бы заявили, что они „не могут и не должны в столь важном деле действовать без нашего совета и соизволения“: по словам Иннокентия III, они будто бы изъявили намерение „посоветоваться с нами“ (*nos consulere volebant*) и для этого направили в Рим легата Петра Капуанского⁴.

Ложь папы, однако, без труда изобличается показаниями хроники Виллардуэна⁵ (который ничего не говорит о том, что бароны пытались получить через посредство Петра Капуанского санкцию папы на поход против Константинополя) и „Деяний Иннокентия III“, а также данными других писем самого Иннокентия III. В действительности, легат отправился в Рим в октябре 1202 г., чтобы довести до сведения папы „задарский проект“, и притом — после оскорблений, нанесенных ему венецианцами⁶.

В заключение своего лживого письма Иннокентий III, принимая позу доброжелателя Византии, с обычной цветистостью слога рекомендовал Алексею III быть „благоразумным“ и всеми силами стараться „потушить огонь, пока он еще в отдалении, а не поддерживать его, чтобы он как-нибудь не смог перекинуться в твои земли (*id deberes studiosissime procurare, ut ignem in remotis partibus extingueres, non*

¹ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

² Ibid.

³ См. выше, стр. 167.

⁴ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

⁵ Villehardouin. La conquête de Constantinople, XV, p. 88.

⁶ Gesta Innoc. III, § 85. Cp. Epist. Innoc. III, lib. VII, № 18.

nutrires, ne usque ad partes tuas posset aliquatenus pervenire)¹. Как будто и в самом деле какие-либо действия Алексея III могли заставить папу „потушить огонь“ и отказаться от поддержки крестового похода против Византии!

* * *

После взятия Задара уполномоченные Штауфена и царевича Алексея продолжали вести дипломатические переговоры с вождями крестоносцев, зазимовавших в Далмации. Эти переговоры закончились в феврале 1203 г. подписанием соглашений о походе на Константинополь². В числе условий этих соглашений фигурировали два, особенно соответствовавшие интересам Иннокентия III. Царевич Алексей обязался в случае успеха снарядить десяти тысячный отряд для отвоевания „святой земли“ и подчинить греческую церковь Риму. Это было именно то, чего папа давно добивался от Алексея III: участие Византии в крестовом походе и „объединение церквей“.

В свете сказанного выше сама собой напрашивается мысль, что эти условия, по крайней мере в общих чертах, были согласованы с папой во время предшествующих переговоров: о них и шла, вероятно, речь во время пребывания в Риме Бонифация Монферратского и царевича Алексея. Эти условия были ценой, за которую папа тайно благословил преступные замыслы вождей похода и тех, кто стоял за ними. Не случайно среди хроникеров XIII в. было широко распространено мнение о том, что захват крестоносцами Константинополя — дело Иннокентия III.³

Мы уже приводили выше ту своеобразную версию о предистории захвата Константинополя, которую дает Новгородская летопись. Русский летописец не допускает мысли о том, что папа санкционировал разграбление Константинополя: наоборот, по его рассказу, Иннокентий III и Штауфен увещевали крестоносцев „нѣ воевати на Цесарьградъ“⁴ — „пакости не деите Гръчской земли“⁵. Разграбление Константинополя летописец рассматривает как „зло“, которое „фрязи... и вси воеводы их“ (крестоносцев) „учиниша Цесарю-граду“ вопреки наказам германского короля и папы⁶. Такое представление у автора „новгородского сказания“ о четвертом крестовом походе легко объясняется тем, что свои сведения он почерпнул, вероятнее всего, от участников похода⁷, которые могли ему сообщить о лицемерных папских „запрещениях“ нападать на христианские земли⁸. Однако у новгородского летописца не вызывает сомнения самый факт „папина вельння“⁹ восстановить Алексея на византийском престоле.

Новгородская летопись показывает активную роль Иннокентия III в перемене направления крестового похода — в его отклонении на Константинополь. Ту же мысль проводят и другие современные хроникеры.

Кельнский анналист, объясняя причины похода на Константинополь, указывает, что крестоносцы „направились туда с Алексеем для под-

¹ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

² P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, p. 60—78.

³ Новгородская летопись, указ. изд., стр. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ См. выше, стр. 163.

⁷ См. выше, стр. 165.

⁸ Новгородская летопись, указ. изд., стр. 46.

чинения восточной церкви римской¹, прямо намекая этим на роль Иннокентия III. Бурхардт из Уршперга (Германия), сообщая о том, что крестоносцы направились к берегам Греции, говорит: „Многие утверждали, что это было сделано с совета и по воле папы“². Автор Морейской хроники идет еще дальше, заставляя легата папы убеждать крестоносцев в том, что гораздо более важно покончить со схизмой, „объединить“ греков с франками, „чем без всякой надежды идти в Сирию“³. Итальянский хроникер Созомен из Пистории прямо пишет, что, получив обещания от Алексея подчинить греческую церковь римской, крестоносцы „с согласия папы Иннокентия повернули флот для отвоевания Алексею Константинопольской империи“⁴.

Даже явно пропагандистский настроенный Гюнтер Перисский дважды отмечает ненависть Иннокентия III к Константинополю и полагает, что папа „очень хотел, чтобы этот город был завоеван католическим народом, но не надеялся на это, считая, что Константинополь располагает одним только рыбацким флотом, более многочисленным, чем все суда крестоносцев“⁵.

Все эти данные помогают выявить действительное отношение Иннокентия III к антивизантийским планам руководителей похода в связи с его уже явно изменившимся в конце 1202 г. направлением.

Ценные сведения о политике Иннокентия III в четвертом крестовом походе содержит также папская переписка. Несмотря на стремление Иннокентия III как можно тщательнее замести следы всего, что могло его компрометировать, в письмах папы нетрудно все же обнаружить данные, раскрывающие его подлинные намерения.

В этом смысле весьма характерна комедия, разыгранная папой по поводу „прощения“ крестоносцев после захвата Задара. Опасность потери влияния на массу рядовых участников похода, являвшихся до сих пор слепым орудием в руках вождей⁶ и начавших выражать недовольство „уклонением с пути“ (многие — до тысячи человек — самовольно оставили лагерь под Задаром и на собственный страх и риск отправились в Сирию⁷), побудила Бонифация Монферратского и других баронов, направивших осенью 1202 г. крестоносный флот к далматинским берегам, обратиться в Рим. Нужно было „оправдаться“ перед крестоносным войском и получить задним числом, если не официальную санкцию Рима на захват христианского города (Задара), то хотя бы

¹ *Annales Colonienses maximi*, MGHSS, t. XVII, p. 810: *Ad subdendam Orientalem Ecclesiam Romanae cum eo (Alexio) diriguntur...*

² *Burchardi Urspergensis Chronicon*, MGHSS, t. XXIII, p. 369: *Attamen navigio tendunt in Graeciam, quod multi asserebant de consilio et auctoritate domni papae factum fuisse.*

³ *Chronique de Morée*, p. 44—46.

⁴ *Sozomeni Pistoriensis Historia*, ed. *Rerum Italicarum Scriptores*, t. I, Florentiae, 1748, p. 83: *... His intellectis, de Innocentii pontificis consensu ad imperium Constantinopolitanum illi recuperandum... classem moverunt.*

⁵ *Gunth. Paris. Historia Cpolitana VIII*, p. 78: *Oderat igitur eam (urbem)... et optabat, si fieri posset, eam a gente catholica expugnari... hoc autem per nostros fieri non sperabat, dicens eandem urbem plus in solis navibus piscatorum abundare, quam illos in toto navigio.*

⁶ Хроника Робера де Клари, отражающая точку зрения рядового рыцарства (см. С. Klimke. *Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges*, Breslau, 1875, S. 6) показывает, что масса крестоносцев ничего не знала о закулисных переговорах по поводу изменения направления похода: *Robert de Clary. La conquête de Constantinople*, ed. A. Pauphilet, *Historiens et chroniqueurs du moyen âge*, Paris, 1938, p. 21.

⁷ *Villehardouin. La conquête de Constantinople*, XXI, p. 94.

формальное „прощение“ папы. Это могло бы предотвратить дальнейший распад войска, признаки которого были налицо.

Из лагеря крестоносцев в Рим была послана депутация (епископ Нивелон Суассонский и др.)¹. Послы, изложив папе обстоятельства захвата Задара, представили различные оправдательные соображения² и постарались „уверить“ папу в готовности крестоносцев следовать в „святую землю“³. Конечно, Иннокентий III отлично понимал цену этих „оправданий“ уполномоченных крестоносцев, ничего, повидимому, не подозревавших о подлинной роли в событиях осени 1202 г. римского первосвященника, от которого они ожидали „прощения“. Однако папа, сам способствовавший гибели Задара, не мог не разыграть очередной комедии. Этого требовали соображения престижа.

Послов ожидал весьма суровый прием⁴. Папа потребовал клятвы от крестоносцев в том, что отныне они во всем будут повиноваться апостольскому престолу, и только под этим условием согласился простить „прегрешения“ крестоносцев. Папа отправил к крестоносцам своих нунциев с письмом⁵, в котором „милостиво“ сообщил им о своем решении и, стремясь скрыть собственное участие в заговоре, первой жертвой которого пал Задар, поспешил признать в качестве извиняющего обстоятельства то, что разрушители Задара действовали не по своей воле, а лишь подчиняясь необходимости (*necessitate coacti*).

Для соблюдения видимости приличия Иннокентий III произнес все же отлучение над венецианцами, при этом, однако, с характерной оговоркой: отлучение венецианцев не должно помешать крестоносцам в дальнейшем пользоваться их флотом⁶. Эта оговорка практически сводила к нулю последствия отлучения: глава католической церкви разрешал „освободителям гроба господня“ пользоваться услугами отлученных от церкви. Само собой разумеется, папа не упустил случая пролить по поводу своего „разрешения“ крокодиловы слезы: он позволял крестоносцам во исполнение ранее подписанного договора плыть с венецианцами (*permittimus... vobis cum ipsis... navigio transeatis*) и поддерживать с ними общение (*communicantes eisdem*), но предписывал делать это *cum dolore et amaritudine cordis*⁷. Понимая, впрочем, что вменить в обязанность одну лишь *amaritudinem cordis* недостаточно, чтобы в глазах рядовых участников похода оправдать это, более чем странное „разрешение“, Иннокентий III прибегает, как и обычно в подобных случаях, к богословско-юридической софистике. Так, папа указывает на то, что отлучение, которому подвергнут глава семьи и хозяин дома, не означает запрета для членов его семьи разделять с ним кров и поддерживать общение: папа при этом сравнивает Дандоло с главой семейства, венецианские корабли — с домом, крестоносцев — с членами семьи и на этом „основании“ заранее отпускает им их грехи (*et excusabilis (es?—М.З.) fueritis apud Deum*)⁸. При

¹ Уполномоченные крестоносцев прибыли в Рим в начале 1203 г. *Epist. Innoc. III, lib. V, № 162.*

² Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, XXII, p. 95.

³ Anonimi Halberstad. *Chron.*, I, p. 13.

⁴ Спустя два года Иннокентий III писал епископу Нивелону Суассонскому: *Quam difficiles in receptione fuerimus... te credimus meminisse. Epist. Innoc. III, lib. VI, № 232.*

⁵ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 162.*

⁶ *Ibid.*, lib. VI, № 102.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

этом Иннокентий III, снова ссылаясь на „высшие цели“, призывает крестоносцев действовать с осторожностью, „набраться терпения и „переносить многое“ (*multa pro tempore dissimulare ac tolerare curetis*), пока эта конечная цель не будет достигнута: небезынтересно и то, что самая эта конечная цель сформулирована папой в высшей степени неопределенно: *donec ad locum perveneritis destinationum*¹.

С двусмысленной позицией папы, формально отлучившего венецианцев, фактически же согласившегося сохранить зависимость крестоносцев от дожа, хорошо гармонирует и то, что хотя клятва крестоносцев папе содержала в себе обязательство впредь не нападать на земли христиан, однако в ней имелась оговорка, которой можно было легко воспользоваться для оправдания нарушения этого обязательства, — именно: Иннокентий III предписывал крестоносцам не наносить вреда христианам, „разве только сами они станут необдуманно чинить препятствия вашему походу, или же представится какая-либо другая справедливая или необходимая причина, по которой вы сочтете нужным действовать иначе“². Слова, в высшей степени примечательные для двуличной политики Иннокентия III! — Запрещая (на словах) нападать на христианские земли, на деле Иннокентий III не только оставлял крестоносцам „лазейку“ именно для такого нападения³, но прямо подстрекал их к этому! Клятва, затребованная им у крестоносцев, содержала в себе не что иное, как прямое подстрекательство к нападению на Византию. Восстановление „законного“ императора и подчинение греческой церкви римской вполне могли послужить той *iusta sive necessaria causa*, ссылаясь на которую, крестоносцы, по выражению Никиты Хониата, „рассчитывали прикрыть благонамеренностью свое разбойничье предприятие против римлян и дать ему благовидную наружность“⁴.

Если к этому добавить еще, что в момент переговоров с послами крестоносцев Иннокентий III уже был осведомлен о соглашении, заключенном под Задаром⁵ и, следовательно, „простил“ крестоносцев за захват Задара в тот самый момент, когда твердо знал, что бароны готовятся к нападению на Константинополь, — то станут вполне ясными дипломатические приемы этого римского понтифика, чистота моральных принципов которого столь усердно прославляется буржуазной историографией.

Политические выгоды Рима были соблюдены, приличия — также: Венеция подвергнута отлучению, но дело, начатое ею с фактического одобрения папы, могло продолжаться к полному удовлетворению appetitus римской курии. В этой связи чрезвычайно интересно мнение французского хроникера, который считал, что крестоносцы „заслужили

¹ Epist. Innoc. III, liv. VI, № 102.

² Ibid., lib. V, № 162: ... Nisi forsan illi vestrum iter nequiter impedirent, vel alia iusta sive necessaria causa forsan occurreret, propter quam aliud agere... valeretur.

³ Характерно, что впоследствии Бонифаций Монферратский, объясняя папе причины захвата крестоносцами Константинополя, употребил выражение самого папы: по словам маркиза Монферратского, „природное коварство греков с помощью огня, хитрости и отравы часто чинило препятствия нашему походу“ (*innata Graecorum malitia... igne, dolo et toxico iter vestrum... saepe... nequiter impedivit*). Epist. Innoc. III, lib. VIII, № 133. См. выше, стр. 160, прим. 6.

⁴ Nic. Chon. Historia, p. 715.

⁵ P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, p. 82; E. Faral, Geoffroy de Villehardouin... p. 561.

снятие отлучения тем, что взяли на себя помощь сыну византийского императора¹.

„Прощение“ крестоносцев явилось очередным актом прямого участия Иннокентия III в подготовке войны против Византии с целью подчинения последней Риму.

* * *

В дальнейшем дипломатия Иннокентия III становится еще более двуличной. Получив в конце марта 1203 г.² известия о завершении приготовлений крестоносцев к выполнению задарского договора, Иннокентий III срочно разыгрывает новый фарс³: к крестоносцам направляются нунции с письмами, в которых папа занимает как будто бы категорически отрицательную позицию по отношению к каким бы то ни было попыткам напасть на Византийскую империю. Угрожая анафемой, Иннокентий III на словах решительно запрещает крестоносцам „захватывать или грабить владения греков“ под какими-либо предлогами, будь то неподчинение Греческой империи папскому престолу или „узурпация“ Алексея III⁴; папа заявляет, что „не дело крестоносцев судить о грехах“ Алексея III и его приближенных⁵, и побуждает крестоносцев идти на помощь „святой земле“, не давая увлечь себя „произволу случая и мнимой необходимости“⁶.

Однако почти в то же время, т. е. тогда, когда дело уже близилось к развязке, папа дает в своем роде чрезвычайно драгоценный и весьма любопытный для историка практический совет крестоносцам: силой отбирать в греческих землях продовольствие и другие припасы, если император откажется предоставить им их добровольно. Иннокентий III так буквально и пишет: „Можете... (конечно, „со страхом Божиим“! — М. З.) в этом случае захватывать припасы силою (путем грабежа!)“⁷. Весьма выразительно, хотя и смягчая несколько форму папского разрешения на грабеж, пишет об этом же хронист Гюнтер Перисский: „Папа разрешил им брать бесплатно съестные припасы“ (в Византии)⁸. Хотя Гюнтер с целью несколько сгладить впечатление от своих слов отмечает, что папа разрешил грабить „с умеренностью“ (*moderate*), однако истинный облик Иннокентия III выступает из этих слов хрониста тем более ярко, что Гюнтер безусловно симпатизирует папе.

Для характеристики позиции папы в момент, когда крестоносное войско приближалось к своей цели, весьма показательным является еще один документ: письмо Иннокентия III к легату Петру Капуанскому, написанное в конце апреля 1203 г.⁹ Оно представляет собою

¹ *Anonymi Laudunensis Chronicon, Recueil des historiens des Gaules et de la France, t. XVIII, p. 712: ... De qua (excommunicatione. — М. З.) absolvi meruerunt per subsidium quod filio imperatori Constantinopolitani impenderent.*

² *P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, p. 79.*

³ *Gesta Innoc. III, § 93: ... Coepit vehementissime dubitare quod in tanto negotio esset agendum. Cp. Gunth. Paris. Historia Cpolitana, cap. VIII, p. 77.*

⁴ *Epist. Innoc. III, lib. VI, № 101: Nullus itaque vestrum temere blandiatur quod terram Graecorum occupare sibi liceat vel praedari, tanquam minus sit apostolicae sedi subjecta, et quod (Alexius) imperator... imperium usurpavit.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.: ... Possitis... cum timore Domini... ad necessitatem tantum ea (victualia. — М. З.) accipere laesione.*

⁸ *Gunth. Paris. Historia Cpolitana, VIII, p. 78: Permittebat eis ut de maritimis locis Romaniae... cibos inemptos, id est absque pretio, moderate tollerent... .*

⁹ *Epist. Innoc. III, lib. VI, № 48.*

ответ на несохранившееся письмо легата к папе, в котором кардинал Петр Капуанский, выражая свои опасения, запрашивал Иннокентия III, как ему поступать в случае, если венецианцы откажутся принять условия „прощения“, которые папа выдвинул, подвергая их отлучению за захват Задара (в числе этих условий фигурировал и отказ от похода против „христианских земель“!), и крестоносцы решатся двинуться на Константинополь. Иннокентий III в своем ответном послании ограничился только одним кратким, но примечательным по своему цинизму советом: „Если франки захотят следовать вероломству венецианцев, то поступай, — пишет он своему легату, — предусмотрительно и согласно внушению, которым удостоит тебя бог“¹. Папа вполне полагается на не раз оправдавшие его ожидания дипломатические таланты своего легата. Он сохраняет за ним полную свободу действий, ни словом не упоминая о своем запрещении нападать на „христианские земли“. Иначе говоря, Иннокентий III молчаливо поощряет захват Константинополя. *Cum tacent — clamant!*

В этой связи заслуживает внимания также тот факт, что позднее, накануне решительного штурма Константинополя, — об этом правдиво рассказывает Робер де Клари, — духовенство, оправдывая захват византийской столицы как „богоугодное“ и вполне „правое“ дело (*li évesque et li clerc de l'ost parlèrent ensamble, et jugièrent que la bataille estait droiturière*), отпускало грехи крестоносцам именем бога и папы (*li évesque... assolvient de par Dieu et de par l'Apostole*²). И оно могло смело ссылаться на волю папы: Иннокентий III на самом деле „благословил“ предприятие крестоносцев.

* * *

12 апреля 1204 г. Константинополь пал жертвой западных захватчиков.

Теперь уже Иннокентий III не мог оставаться в тени: показная ложь и осуждение крестоносцев в условиях, когда Константинополь находился в их руках, могли только причинить ущерб интересам Рима. После захвата Византии Иннокентий III сбросил маску. Он не скрывал своего торжества (*gaudemus!*) по поводу того, что империя греков „справедливым божеским судом перешла к латинянам“ (*justo Dei judicio... a Graecis transtulit ad Latinos*)³, и не замедлил объявить совершившееся „чудом Божиим“ (*divinum miraculum*). По меткому выражению К. Маркса, „папа, выразив для приличия свое негодование, дает в конце концов отпущение этому скотству и гнусностям „пилигримов““⁴.

Теперь, когда действительная цель похода была достигнута, Иннокентий III всеми силами стал стремиться к тому, чтобы не упустить своей доли в разделе империи. Он поспешил примириться с венецианцами: с Дандоло было снято отлучение⁵. Переписка папы с вождями крестоносцев как в момент пребывания крестоносного войска под Константинополем, так и после взятия города⁶, ведется в сугубо

¹ Epist. Innoc. III, lib. VI, № 48: *Cum Francis autem, si sequi voluerint perfidiam Venetorum, ... provide facias quod tibi Deus dignabitur inspirare.*

² Robert de Clary. *La conquête de Constantinople*, LXXII—LXXIII, p. 50.

³ Epist. Innoc. III, lib. VII, № 153, 154.

⁴ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 198.

⁵ Epist. Innoc. III, lib. VII, № 18, 207.

⁶ Tafel u. Thomas. *Urkunden*, S. 426—444, 502—569.

деловом тоне. Политические цели Иннокентия III, которые он преследовал, оказывая тайное покровительство планам венецианцев и вождей крестоносцев во время похода, выступают в этой переписке чрезвычайно рельефно. Папа не перестает напоминать вождям похода об их обещаниях, о том, что их наипервейшей обязанностью является забота о подчинении греческой церкви римской: выполнив ее, они заслужат себе прощение — и тем вернее, чем скорее греческая церковь будет подчинена римской, как „дочь — матери, члены — голове, часть — целому“. Папа упорно твердит об одном и том же: „Мы желаем, чтобы константинопольская церковь вашими стараниями возвратилась к преданному почитанию апостольского престола“ и чтобы затем было продолжено дело крестового похода¹. Папа торопит Бонифация Монферратского, Балдуина Фландрского, Людовика Блуасского, дожа Дандоло, всех баронов и рыцарей, епископов и клириков, требуя, чтобы они добивались от императора и патриарха скорейшей посылки в Рим специальных уполномоченных с грамотами о признании римской церкви в качестве верховной и главенствующей². Чувствуется, что папа — с полным основанием — считает себя участником совершившегося „справедливого божьего суда“ — и требует „заслуженной платы“.

* * *

Как видно из изложенного, политика и дипломатия Иннокентия III сыграли свою роль в истории четвертого крестового похода. Преследуя определенные политические цели, Иннокентий III тайно покровительствовал антивизантийским планам „латинян“ и по существу с самого начала был прямым вдохновителем похода на Константинополь. Об этом свидетельствует как переписка папы, так и большое число современных хроник.

Более или менее сходные объяснения событий 1202—1204 гг. дают Новгородская летопись, „История“ Никиты Хониата, многие западноевропейские хроники (немецкие, французские и итальянские). Все они показывают, что папа с готовностью дал свое согласие на поход в Константинополь под условием подчинения греческой православной церкви Риму и использования сил Византии для продолжения завоеваний на мусульманском Востоке. Совпадение данных значительного числа современных летописцев, писавших независимо друг от друга, невозможно считать случайным. Безусловно, они выражали общественное мнение своего времени, которое с полным основанием признавало Иннокентия III одним из главных инициаторов крестового похода на Константинополь.

Ценность известий хроникеров Запада велика особенно потому, что, высказывая свое мнение, они отнюдь не порицают Иннокентия III, — наоборот: хроникеры защищают и оправдывают все дела католической церкви и ее главы. Они считают совершившееся по воле папы делом богоугодным и благочестивым, а поведение римского первосвященника не вызывает в их глазах никакого осуждения. Именно поэтому они и высказывают свой взгляд столь откровенно. Сам Иннокентий III старался сделать все, чтобы отклонить подозрения относительно его соучастия в захвате Константинополя, однако все его попытки в этом

¹ Epist. Innoc. III, lib. VI, № 230, 231, 232.

² Ibid., lib. VII, № 18.

направлении не имели успеха. Даже церковникам казуистика Иннокентия III не внушала доверия. Летописи указывают на него, как на одного из главных „творцов“ своеобразных судеб четвертого крестового похода.

Совершенно ясно, какую цену перед лицом проанализированных выше показаний хроникеров могут иметь фальсифицированные данные папского эпистолярия и тех немногих летописцев, которые примыкают к папской версии событий.

Ясна и очевидна также несостоятельность легенды, созданной буржуазными апологетами папства, о непричастности Иннокентия III к захвату крестоносцами Константинополя.
